

Н. Я. ГРОТ

Основные моменты

в развитии новой философии. Спиноза

Здесь Спиноза понимает изложенное нами учение Декарта об отношении души и тела и совершенно произвольную гипотезу его о том, что душа помещается в особой небольшой железке мозга, и что чрез посредство этой железы происходит взаимодействие между духом и телом. «Я спрашиваю, — продолжает Спиноза, — что он понимает под соединением души с телом? Какое же, говорю я, отчетливое и ясное понятие имеет он о мышлении, которое связано с какою-то частичкою вещества (количества)?»

Это недоумение Спинозы составляет главный узел его разногласий с Декартом, и оно — то и привело его к отрицанию дуализма Декарта, т.е. учения о двух субстанциях, и к построению оригинальной системы монизма — учения о единой мировой субстанции, Боге, которая проявляется разными сторонами или атрибутами своими в веществе и духе.

В одном из писем к приятелю своему Ольденбургу, на вопрос Ольденбурга, в чем, по мнению Спинозы, заключается ошибка Бэкона и Декарта, Спиноза пишет:

«Вы желаете, чтобы я указал вам ошибки, которые я усматриваю в Философии Декарта и Бэкона. Хотя и не в моих привычках раскрывать чужие заблуждения, однако на этот раз подчиняюсь вашему желанию. Первая и самая важная ошибка их заключается в том, что они оба очень далеки от понимания первопричины и происхождения всего сущего. Вторая — что они не уразумели настоящей природы человеческого духа. Третья — что они не постигли истинной причины заблуждений... Между тем только человек, совершенно лишенный образования и всякого знания может не видеть, в какой высокой степени важно верное понимание всех этих предметов».¹

Из этих двух цитат можно видеть, что сам Спиноза, по крайней мере, считал свою Философию самостоятельной и способною исправить существенные ошибки в учениях его предшественников, не исключая и Декарта.

Спиноза не легко решался печатать свои сочинения. Прежде всего в 1663 г. было издано им на латинском языке изложение начал Философии Декарта, составившееся из диктанта одному ученику. Затем в 1670 г. появился его «Богословско-политический трактат» с девизом апостола Павла: «О том, что мы пребываем в Нем и Он в нас, мы узнаем из того, что Он дал нам от Духа своего». Книга эта была вскоре запрещена и издавалась после дважды под другими заглавиями. Все остальные сочинения Спинозы были обнародованы в 1677 г. после его смерти, причем между посмертными произведениями находится и главный труд: «Ethica, ordine geometrico demonstrata...», затем: трактат политический, рассуждение об исправлении рассудка, Философская переписка с учеными современниками, компендиум грамматики еврейского языка. Кроме того, лет 40 тому назад было найдено и обнародовано (в 1852 г.) уже упомянутое мною маленькое сочинение Спинозы: «Трактат о Боге, человеке и его счастье», написанный под влиянием Бруно, по догадкам, около 1655 г. и «представляющий набросок системы, в котором видная низшая ступень «Этики» (Ибервег).

Печатается по: Грот Н. Я. Основные моменты в развитии новой философии. М., 1894.

¹ Переписка Бенедикта де Спинозы с приложением жизнеописания И. Колеруса. Пер. Л. Я. Гуревич, под редакцией и с примечаниями А. Д. Вольнского. СПб., 1891. С. 68.

Тот факт, что Спиноза не решился опубликовать при жизни «Этику», объясняется тем приемом, который был оказан современниками его «Богословско-политическому трактату». Это последнее сочинение отстаивает свободу мысли и слова в вопросах религии. Оно выходит из положения, что задачи религии и Философии существенно различны, — положение, которое впоследствии было изменено Спинозой в том смысле, что истинная Философия и есть истинная религия человека. В богословско-политическом трактате он высказал мысль, что как только религия хочет оказать давление на Философию, тотчас обнаруживается односторонняя ревность к вере, и тогда конец миру между людьми. Но когда религия не вмешивается в дело мышления, то она никого не преследует, и тогда развивается истинно-религиозная жизнь, состоящая в любви и благочестии. Библия стремится открыть нравственные законы, а не законы природы. Библейские истории для народа необходимы, но надо уметь их толковать. Чудеса ветхозаветные и новозаветные Спиноза отрицает и веру в чудо считает доказательством неведения. Воскресение Христа он принимает аллегорически и в письмах к Ольденбургу разъясняет, что воскресение Христа было только «духовное», что Христос вступил в вечность и восстал из мертвых постольку, поскольку показал Своей жизнью и смертью пример необычайной святости, и что, поскольку ученики Его последовали примеру Его жизни и смерти, Он их воскресил из мертвых. При этом он ссылается и на известные слова ап. Павла, который говорит, что Христос являлся ему впоследствии, но он узнал Его «не по плоти, а по духу» (Послание к Коринфянам. V, 16. См. письма к Ольденбургу XXIII и XXV, пер. Гуревич, стр. 154-155, 158-160).

В общем «Богословско-политический трактат» Спинозы представляет собою первое историко-критическое рассмотрение Библии и вообще Св. Писания, и потому многие называют Спинозу «отцом библейской критики». Христос для Спинозы есть живое воплощение божеской премудрости, воспринятой человеком непосредственно в его самосознании.

«Определенность, с которою Спиноза требовал свободы научного убеждения, навлекла на него целый поток нападков и проклятий, — говорит Ибервег. — Еврейские и христианские богословы, а также и картезианцы с содроганием отзывались об иррелигиознейшем из авторов, о самом безбожном атеисте, который когда-либо жил, и даже друзья Спинозы были приведены в недоумение его свободомыслием, так что больше уже не побуждали его к обнародованию других сочинений».

«Как должно было быть больно Спинозе, говорит Виндельбанд, когда к разъяренному реву, который подняли естественные враги его системы против этой книги, примешались также голоса колеблющихся, побуждающих к осторожности и выражающих трусливую боязнь тех самых мнимых друзей его, которые сначала уговаривали его обнародовать упомянутое сочинение. Даже лучший друг Спинозы Ольденбург стал отрешиваться от радикального неуважения к традициям, и в письмах его в это время ясно проглядывает охлаждение и крайнее недоумение».

«Превращать все это в аллегорию, — пишет он Спинозе по поводу истолкования воскресения Христа, — значит подрывать всю, истинность евангельского повествования» («Письма», стр. 163).

Оставленный друзьями, проклинаемый властными руководителями общественного мнения, Спиноза не решился при жизни напечатать свою «Этику». Когда последняя появилась после смерти его, то «фанатизм, преследовавший живого, не оставил в покое и мертвого и взвалил на его имя массу позора и клеветы». «Образ Спинозы, — говорит Виндельбанд, — превратился в какое-то пугало, приводившееся в виде примера низких последствий, до которых доводит неверующее мышление, и учение его было предано поруганию современников, а вследствие этого и забвению. Только спустя столетие суждено было его мысли восстать из могилы забвения, и новое открытие спинозизма

выпало на долю великих представителей немецкой поэзии и философии, во главе которых стоит Лессинг, а на высоте Гете и Шеллинг». «Таким образом постепенно очищались от предубеждений, — говорит Виндельбанд, — и образ этого человека и учение его, бесчисленные умы стали углубляться с увлечением в произведения, которые он оставил неразумной толпе».

В чем же заключается их интерес, что именно влечет к Спинозе, несмотря на сухость и педантизм его изложения? И почему, однако, его система не могла быть подвергнута дальнейшей разработке? Постараемся охарактеризовать в главных чертах завещанное Спинозой Философское учение и произнести некоторый суд над ним, определить его место в истории Философии нового времени.

Мы сказали, что Спиноза один из ярких представителей рационализма в., т.е. того поклонения всемогуществу разума человеческого, которое составляет основную черту всей новой западной Философии. Его особенное величие и оригинальность состоят именно в том, что он был самым последовательным и радикальным рационалистом XVII столетия, и что он довел до последнего предела беспощадный ригоризм рационалистического мирозерцания. Эту истину далеко не в надлежащей степени понимают и оценивают современные истолкователи его философии. «Чуждый тому теоретическому интересу к истине, — говорит Виндельбанд, — который обнаруживается в «Размышлениях» Декарта, Спиноза раскрывает нам в своей исповеди религиозные и нравственные основания, на которых покоились его научные стремления. То, что он преследует в своем философском мышлении, не есть, как у Декарта, борьба против сомневающейся во всех своих представлениях мысли, но удовлетворение влечений самого чистого и страстно направленного к своей цели благочестия». Так ли это?

Спинозу называли атеистом, преследовали как безбожника. Это, разумеется, нелепость. Спиноза верит в Бога. Это несомненно. Но Бог его особенный, совершенно абстрактный, нечто вроде «нирваны» буддистов — все и ничего. Мы в этом сейчас убедимся из анализа его метафизической системы, а пока напомним о тех этических принципах и предписаниях, которые содержит 5-я часть его «Этики», и которые мы нарочно привели насколько возможно подробнее.

Какой нравственный идеал проповедует Спиноза, чему он поклоняется? Он предлагает бороться с аффектами, с чувствами посредством познания их, посредством изучения их внешних и внутренних причин, посредством подмены живой игры чувств и волнений абстрактными формулами идей. В созерцании идеи Бога, как самой абстрактной и безжизненной идеи, мы можем найти окончательное успокоение от всех житейских тревожений. Это самоуглубление в идею Бога он называет «любовью к Богу», но это, очевидно, только любовь к согласию и единству в идеях, к отвлеченной полноте истины, знания. Посмотрите, какова была вся жизнь мыслителя. Она — чистый образец холодного, рассудочного созерцания. Он прожил всю жизнь один, без родных, без друзей, ибо его друзья на самом деле — только временные ученые собеседники и корреспонденты. Виндельбанд, идя по следам других толкователей, видит в учении Спинозы признаки мистицизма. Но какой это мистицизм, если человек отовсюду — из учения о мире, о человеке и даже о Боге — гнал все темное, таинственное, внушаемое чувством и верою! Он отрицал чудеса, но какой настоящей мистик отрицает чудо? Мистицизм видят иногда в довольно смутном учении Спинозы о третьем роде познания, о познании интуитивном, как орудии восприятия в самосознании своем чистой идеи Бога, но очевидно, что эта интуиция есть своеобразно выраженное самопознание Сократа и самосознание Декарта. Не даром же Спиноза крепко настаивает на том, что мы можем познать Бога только в себе, в своем самосознании, а не вне себя, что он имманентен миру и всем вещам, составляя их истинную внутреннюю субстанцию, а не трансцендентен. Очевидно, интуитивное богопознание есть лишь ясное и отчетливое

самопознание, познание в себе самого чистого и общего принципа бытия. Поэтому личность Бога вне мира Спиноза отрицает. Он пантеист: мир есть Бог, Бог есть мир, Бог везде, во всем, как субстанция. Бог Спинозы не живой Бог живых людей, а безжизненное «ничто» или вернее «нечто» буддистов. Оттого и произошло то, что Спиноза, как выражается Виндельбанд, окончательно умертвил в себе все потребности естественной жизни и оставил в ней только место для святой преданности бесконечному, как абстрактной идее мирового единства. И обаяние его системы заключается именно в том, что он пошел до конца в рационализации мира, Бога, жизни и дал чистую систему абсолютной рассудочности.

Эти выводы подтверждаются и многими частностями его ФИЛОСОФСКОЙ системы. Философия, по его учению, есть богопознание, ибо истинное познание божества есть и познание всех вещей. Единичные вещи все заключены в Боге по закону вечного порядка и независимо от Бога не существуют. Но как это возможно? Идею самого божественного бытия Спиноза не считает нужным оправдывать и выводить из анализа основ нашего познания, как Декарт. Он прямо начинает с определения понятий субстанции и божества, как несомненно готовых данных знания. Этим, именно, он обнаруживает своеобразный характер своей метафизики: он не нуждается в обосновании идеи божества потому, что это для него условная абстракция идеи истинного бытия, абсолютной реальности, которая должна найти себе оправдание в дальнейшей дедукции из нее всех понятий о реальностях конечных. Как он мыслит эту абстракцию? Субстанция-Бог едина и есть абсолютная самопричина: в ней и чрез нее все. Она обладает бесконечным количеством атрибутов, т.е. изначальных свойств, но человеческий ум по ограниченности своей схватывает и постигает из них только два — протяженность и мышление. Но как же эти атрибуты существуют в субстанции Бога — как части целого, или как воплощения и выражения разумного и целесообразного творческого процесса? Ничуть не бывало: это не части, ибо тело и мысль друг друга не ограничивают, а взаимно проникают и наполняют друг друга, и не воплощение разумного и целесообразного процесса. Бог — не личность и ничего лично не творит. Он сам только в этих изначала данных атрибутах и есть, чрез них только и познается. Как же относятся атрибуты Бога к его субстанции? Для разрешения этого вопроса верную аналогию приводит Виндельбанд. Он думает, что Спиноза берет идею отношения Бога к его атрибутам из аналогии отношения пространства к его измерениям. «Божество Спинозы есть метафизическое пространство бесконечно многих измерений, оно состоит из своих атрибутов точно так же, как пространство из своих измерений». Поэтому содержание целого, будь то пространство или Бог Спинозы, всецело исчерпывается теми чисто Формальными отношениями, которые определяются измерениями первого и атрибутами второго. Отсюда и голая отвлеченность понятия Спинозы о божестве, отлично характеризующая самим Виндельбандом: «точно так, как пространство есть само по себе только формальное и качественно бессодержательное представление, — говорит Виндельбанд, — так и для понятия божества у Спинозы не остается никакого внутреннего определения». «Спинозовская божественная субстанция есть сама по себе абсолютная пустота, математическое ничто». «Спинозовское учение о божестве есть гипостазирование известной Формы мышления, и оттого вся система его представляет нечто бескровное». Так говорит Виндельбанд, и после этого, кажется нам, трудно настаивать на жизненном значении религиозного чувства в системе Спинозы. Его религиозное чувство, как мы сказали, есть очевидный вариант интеллектуального чувства «согласия», по терминологии английских психологов, т. е. чувства удовлетворения, получаемого при достижении единства и согласия всех представлений нашего ума. Выгода абстрактного спинозовского понятия о субстанции та, что оно дает ему возможность совершенно обойти трудный вопрос о взаимодействии духа и тела, составлявший важное преткновение в системе Декарта и приведший к

учению окказионалистов, возникшему почти одновременно с учением Спинозы. Какое еще нужно взаимодействие, когда действующая причина одна: субстанция, проявляющаяся в известных изменениях или состояниях (модусах) своих, согласно своим атрибутам или мерам своего бытия.

Таков главный базис метафизической системы Спинозы. Все остальное уже — приложения, развитие основного принципа. Истинное знание есть чистое постижение чего-либо в идеях, в мышлении; чувственное, опытное знание обманчиво и ненадежно, — оно только скрывает от нас, под призраком множественности, основное единство вещей. Воля не есть самостоятельная сила: это только определение разума в действии. Свободу действия Спиноза безусловно отрицает. Весь процесс развития природы и человеческой деятельности строго механический, процесс сцепления причин и действий. Поэтому и нравственное совершенствование человека — не свободный акт самообуздания воли, а необходимый продукт известного развития разума в процессе самопознания. И мы видели уже, как с точки зрения Спинозы совершается это самопознание и освобождение человека от страстей и желаний, как путь к полному созерцательному успокоению и блаженству.

Я, к сожалению, не имею возможности изложить здесь взгляд Спинозы на происхождение общества и государства, на относительную цену различных форм правления, на значение понятия права и другие подобные вопросы. Воззрения Спинозы на все эти предметы прекрасно изложены у Виндельбанда и Ибервега, и отличной иллюстрацией к этим изложениям являются некоторые письма Спинозы в его знаменитой «Переписке».

Моею задачею было только выяснить общий смысл и отношение философии Спинозы к Философии Декарта и всего XVII в. Спиноза несомненно исправил и отчасти превзошел Декарта последовательностью, цельностью и замкнутостью своей системы. Он взял у него: 1) учение о критерии достоверного знания, признавая, подобно французскому мыслителю, что таким критерием являются ясные и отчетливые идеи, 2) общие понятия субстанции и атрибутов, которые значительно переработал, 3) убеждение, что истинное познание существа вещей возможно лишь чрез самосознание и 4) тенденцию оформить метафизическое учение о субстанции в систему quasi математически точных определений. Все же остальное у него самостоятельно и глубоко оригинально. Но если Декарт нашел столь многих последователей и продолжателей в том же XVII и в следующие века, а Спиноза остался изолированным и был отвергнут современниками, то это объясняется именно тем, что Декарт был не совсем последователен и не раскрыл еще всей мертвенности и сухости отвлеченного рационализма. Спиноза же оттолкнул от себя современников тем, что дошел до последних пределов сухой и холодной абстракции. Почти то же отношение мы замечаем впоследствии между Кантом и Гегелем. Я говорю это не в виде осуждения лично Спинозе, который представлял не только замечательнейшего из мыслителей своего века, но - отрицательно — и тип самого чистого и беспорочного человека. Это был аскет, святой. Но я уже высказал мысль, что холодная святость, устраняющая человека от мира и жизни с ее борьбой и страданиями, не есть высший человеческий идеал. Симпатичнее человек и мыслитель страдающий, заблуждающийся и даже противоречащий себе, в роде Декарта или Канта, но за то широко охватывающей все странные противоположности и непримиримые антиномии мирового бытия и человеческой жизни, — чем мыслитель и человек, сумевший стать выше всех противоречий и страданий, но и выше жизни, ибо сама жизнь есть вечное противоречие. И потому Спиноза остался одиноким и как мыслитель, и как человек. Чрез столетие его вновь открыли, стали углубляться в изучение его творений и стали им увлекаться. Но чем увлекаться? Гениальной силою мысли и абстракции. Есть вещи и люди, которым нельзя не удивляться. И Спиноза

вполне достоин удивления. Его произведения оставляют сердце наше холодным, но в минуту трезвого, ясного сознания с удовольствием и некоторым особым рассудочным энтузиазмом углубляешься даже в абстрактные формулы математики. Так именно действует на нас и Спиноза.